

9. *Михлин А.С.* Смертная казнь: вчера, сегодня, завтра. М., 1997.
 10. *Меязев А.Б.* Смертная казнь и современное международное право. М., 2006.
 11. *Дмитриев Ю.А.* Защита конституционных прав граждан в уголовной и конституционной юстиции // Государство и право. 1999. № 6.

УДК 821.161.1.0

ВЛАСТЬ И НРАВСТВЕННОСТЬ В «БОРИСЕ ГОДУНОВЕ» ПУШКИНА И «ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО» КАРАМЗИНА

Сигида Людмила Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, sigidal@yandex.ru, ФГОУВПО «Российский государственный университет туризма и сервиса», г. Москва

The author analyzes the content and artistic relations of the imaginative world in the Pushkin's tragedy Boris Godunov with the interpretation of the fate of Boris Godunov in Karamzin's History of the Russian State. The study reveals the poetic reconstruction techniques, including mask-images of the king, appropriating the power against the moral law, which results in a personal disaster for the character and the tragedy of the Time of Troubles (Smutnoye Vremya) in Russia.

Анализируются содержательно-художественные связи художественного мира трагедии Пушкина «Борис Годунов» с интерпретацией Карамзиным судьбы Бориса Годунова в «Истории государства Российского», раскрываются поэтические приемы воссоздания, в том числе маски-образа царя-узурпатора, присваивающего себе вопреки нравственным законам не принадлежащую ему власть, что явилось причиной личной катастрофы героя и трагедии Смутного времени в России.

Key Words: *content and artistic relations, mask motive, power, morality*

Ключевые слова: *содержательно-художественные связи, мотив маски, власть, нравственность*

Оправданный интерес, который вызывают в последние годы личные и творческие отношения Пушкина и Карамзина, а также плодотворность исследований по истории создания и поэтики пушкинской драмы, все чаще и убедительнее звучащее утверждение о художественной природе «Истории государства Российского» побуждают обратиться к вопросу творческого перевоссоздания Пушкиным исторического повествования Карамзина о Смутном времени. Давно выявленные текстологические параллели [1. С. 286; 4. С. 57] во все не исчерпывают сложных содержательных связей трагедии Пушкина «Борис Годунов» и «Истории государства Российского» Карамзина, свидетельством тому — и посвящение, и признания Пушкина.

«Драгоценной для россиян памяти Николая Михайловича Карамзина

Сей труд, гением его вдохновенный, с благоговением и благодарностию

Посвящает

Александр Пушкин», —

такими словами, сопроводил поэт изданное в декабре 1830 года сочинение «Борис Годунов», причем, подчеркивая связь исторического повествования со своим произведением, он настаивал при подготовке первого издания трагедии именно на такой композиции строк.

30 января 1829 года А.С. Пушкин писал Н.Н. Раевскому: «Вот моя трагедия..., но я требую, чтобы прежде чем читать ее, Вы пробежали последний том Карамзина...» [6. С. 46] Требование поэта «перечитать Карамзина» актуально и для исследователей драмы, где поставлены во-

просы о путях достижения власти и способах ее достижения героями — Борисом Годуновым и Самозванцем.

В художественном мире трагедии Пушкина, построенной «на взаимоотношениях человека с мирозданием, с Абсолютом» [5. С. 303], воссозданы персонажи, действующие вопреки нравственным и моральным нормам, установленным Провидением, и скрывающие под масками свое истинное лицо. В первую очередь, присваивая себе не принадлежащий им венец самодержца и тем самым пытаясь обмануть Небо, надевают маски Борис и Лжедмитрий, что явилось причиной их личной катастрофы, а для страны обернулось трагедией Смутного времени. Во многом идея противостояния узурпаторам воли Высшей Божественной власти у Пушкина совпадает с размышлениями Карамзина об эпохе безвременья. Анализируя вслед за летописцами историю возвышения и падения Бориса Годунова и Гришки Отрепьева, Карамзин неоднократно возвращался к мысли о бесплодности их попыток обмануть Божественную волю.

Через призму вечного описывается Карамзинным судьба Бориса как одна из удивительных жертв суда Небесного [4, IX, 10]. Размышления о падении Бориса Годунова и аналитическое исследование причин победы Лжедмитрия историк заключил выводом о метафизическом начале исторического события: «Одним словом, Суд Божий гремел над преступником. Никто из Россиян до 1604 года не сомневался в убиении Димитрия,... коего видел весь Углич мертвого... следственно Россияне не могли благоразумно верить воскресению Царевича; но они — не любили Бориса. Сие несчастное расположение готовило их быть жертвою обмана» [4, XI, 91].

Почему народ перестал любить своего избранника? Ответ на этот вопрос был для Карамзина чрезвычайно важным, потому что в нем крылась, как считал он, разгадка тайны механизмов воздействия на историю воли Провидения, отголоском которой и явилась для него перемена в отношении народа к царю. Ответ Карамзин искал в исторических фактах, сопоставляя поступки Бориса с нравственными законами и поведенческим стереотипом, законами этими диктуемыми. К народной ненависти привела, считал историк, совокупность нарушенных Годуновым Божьих законов при внешнем следовании им. Так, одной из причин вспыхнувшей ненависти народа, кроме

лживости и преступности царя, неприемлемых традиционной национальной нравственностью, Карамзин считал осквернение душ поданных.

Историк рассказал об известном из летописей приказе Бориса составить особенную для чтения во всей России «... молитву о душевном спасении и телесном здравии Слуги Божия, Царя Всевышним избранного...» [4, XI, 56–57]. Авторский пересказ молитвы в основном тексте Карамзин сопроводил в примечаниях публикацией ее сохранившегося варианта, подчеркнув тем самым функциональную важность эпизода в судьбе Бориса [4, XI, пр. 138].

Пушкиным молитва введена в сцену «Москвы. Дом Шуйского», где зарождается заговор против Бориса и нащупываются нити будущей политической интриги с участием народа. Молитву по приказу хозяина дома читает мальчик: «Царю небес, везде и присно сущий; // Своих рабов молению внимли: помолимся о нашем государе, // Об избранном тобой, благочестивом // Всех христиан царе самодержавном...»

Пушкинская поэтическая версия во многом текстуально совпадает с пересказом ее Карамзинным, однако для понимания художественных функций молитвы, которое в композиции сцены шире, чем историко-бытовая деталь, интересно и значительно заключение Карамзина о роли в судьбе Бориса всенародной молитвы, читаемой и составленной по его приказу. Карамзин писал: «То есть святое действие души человеческой, ее таинственное сношение с Небом, Борис дерзнул осквернить тщеславием и лицемерием, заставить народ свидетельствовать пред Оком Всевидящим о добродетелях убийцы, губителя и хищника!.. Но Годунов, как бы не страхась Бога, тем более страшился людей...» [4, XI, 57]. В сознании Бориса, долгое время носившего маску, произошло катастрофическое смешение Вечного и тленного, подмена Высшего низшим: достигнув власти обманом людей, Борис кощунственно посягает и на обман Бога, ставя народ между собой и Высшим, обрекает всех на обман. В контексте исторических реалий и размышлений Карамзина о причинах гибели Бориса и его рода — наказания Провидением, в том числе за кощунство, вскрывается художественное содержание молитвы о царе у Пушкина.

Причины ненависти Бориса народом в драме Пушкина связываются совершенно справедливо, в первую очередь, с его греховным дея-

нием — убийством Дмитрия. В.Е. Хализев пишет: «...стало всеобщим представление о преступном прошлом Бориса, убившего или пытавшегося убить царевича» [7. С. 55], с наибольшей отчетливостью мотив проявился в отказе юродивого молиться о «Царе-Ироде». В связи с сюжетной деталью молитвы, с уверенностью можно говорить, что Пушкиным воспринята мысль Карамзина о святотатстве Бориса, вызвавшем ту ненависть, которая привела его к гибели. Причем трансформированный Пушкиным мотив Карамзина полифункционален — кощунственный, по сути, приказ Бориса о народной молитве за себя — убийцу, кроме прочих рычагов воздействия на народное сознание, ловко будет использован заговорщиками в разжигании ненависти к нему [3. С. 25].

Аксиологическая подмена Горнего Мира миру дольнему в сознании влекомого страстным непреодолимым желанием власти Бориса Годунова в «Истории» Карамзина и драме Пушкина порождает двойственный, разорванный характер поведения героев, скрытый от других мир заставляет их, надевая маски, вести двойную безнравственную игру.

Антитетичность общественного поведения и скрытой мотивации поступков героев, противоречивость слова и дела, ложь во имя достижения цели воссоздают в «Борисе Годунове» атмосферу обмана — в масках почти все герои, исключение — образы Пимена, юродивого и собирательный — народа, являющегося жертвой обмана. Для нашей темы знаменательны первые сцены, художественные функции их, разумеется, не ограничены исследуемым мотивом масок, и автор вполне это осознает, заведомо ограничивая свой анализ.

Открывающий произведение диалог Шуйского и Воротынского вводит в мир двуличия и преступлений. Бесстрашный и откровенный рассказ Шуйского о скрывающей честолюбие и преступления маске Годунова, как окажется чуть позже, — своеобразное хитроумное притворство человека в маске. В словах Шуйского предстает последний акт отрежиссированного Борисом спектакля — избрания его на царство. Автором, режиссером и исполнителем заглавной роли в спектакле является Борис, актерами — надевшие на себя маски приближенные Бориса, зрителем, — ничего не подозревающий об игре с ним народ. На вопрос Воротынского: «Как думаешь, чем кончится тревога?» — Шуй-

ский отвечает: «Народ еще повоет, да поплачет, // Борис еще поморщится немного, // Что пьяница пред чаркою вина, // И наконец по милости своей // Принять венец смиренно согласится; // А там — а там он будет нами править // По-прежнему». Основная черта в образе Бориса, данном в восприятии Шуйского — страстная, как у пьяницы «пред чаркою вина», жажда власти, скрытая надетой маской напускного нежелания венчаться на царство, Шуйский и снимает ее, обнажая подлинную сущность личности героя-властолюбца, не остановившегося перед убийством: «Что ежели правитель...на престол безвластный не взойдет? — Скажу, что понапрасну // Лилася кровь царевича-младенца; // Что если так, Дмитрий мог бы жить».

Обнаженное лицедейство Бориса, изображение его избрания как игры с заранее известным концом, подчеркнутая незаконность его притязаний и виновность в убийстве законного наследника-царевича Дмитрия во многом восходят к поэтике исторического повествования Карамзина. В «Истории» задан алгоритм образа — противоречивость личности Бориса, одаренного, но бездуховного, безнравственного человека, поставившего во главу угла личные амбиции, вынужденного притворяться, носить личину, от которой ему не удастся избавиться и тогда, когда цель достигнута.

Подробный анализ, вычленивший в герое истинное, спрятанное начало и созданную им поведенческую маску явился ведущей нитью в созданной Карамзиным художественной биографии Годунова — своеобразной попытке понять источник преступного начала личности. Карамзин писал: «Величественно красотою, повелительным видом, смыслом быстрым и глубоким, сладкоречием обольстительным превосходя всех Вельмож..., Борис не имел только добродетели;... рожденный подданным с необузданною страстию к господству, не мог одолеть искушений там, где зло казалось для нее выгодною...» [2, IX, 10].

Изображению двойственности Бориса посвящены многие страницы исторического повествования, обратимся лишь к некоторым, относящимся ко времени вступления на престол, в которых писателем особо подчеркивались в герое наигранность в поступках, нарочитая, обманчивая скромность.

Грандиозному спектаклю историк уподобил подробно описанную сложную политическую интригу: подготовленные Годуновым

после смерти царя Федора Ионовича вначале передача власти жене умершего царя и сестре Бориса, а затем — ее отречение от престола, чтобы взять его себе из рук единокровной, как бы правом наследия [2, X, 128]. Шаг за шагом Карамзин вскрывает ловкость неутомимого в лицемерии Бориса [2, XI, 8], который, в течение длительного времени отодвигая венчание на царство, хитростью, не снимая надетой на себя маски, добивается всенародного, единодушного признания себя царем.

В сюжетно организованной подглавке, иронично названной «Знаменитое ополчение», Карамзин рассказывает, как Годунов инсценировал нападение крымского хана Казы-Гирея: хитрым умом властвуя над движениями сердца, доказывал, что безопасность отечества ему дороже и короны, и жизни [2, XI, 9]. Разыгранное Борисом театрализованное представление, фарс, в котором участвовало полмиллиона войска, стоившее, по словам историка, великого иждивения и труда, оказалось напрасным. Длившееся шесть недель ожидание противника закончилось тем, что слухи о неприятеле вдруг замолкли. Эпюд завершается ироничным рассуждением: «*Ложные ли слухи обманули Бориса, или он притворным лежководерием обманул Россию, ... и тем удвоил блеск своего торжественного воцарения? Хитрость, достойная Бориса, — и едва ли сомнительная*» [2, XI, 11-12]. У Пушкина, как помним, многостраничные описания хитростей Бориса уместились в сравнение с пьяницей, оттягивающего вожделенный момент, и вложенное в уста Шуйского жесткое заключение, в котором с наибольшей полнотой охарактеризован нравственный императив Годунова. В ответ на предположение Воротынского о том, что вступить на престол Борису мешает кровь невинного младенца, Воротынский отвечает: «*Перешагнет: Борис не так-то робок*!». Впрочем, предположение Воротынского как одно из существовавших мнений о Борисе также восходит к Карамзину, не отрицавшего и такого варианта, объясняющего многомесячное откладывание венчания на царство. След карамзинского предположения, кажется, обнаруживается и в мучительных воспоминаниях пушкинского Годунова об убийстве, часто интерпретируемые как раскаяние героя. Очевидно, что Борис ни у Карамзина, ни у Пушкина не раскаивается, свидетельством тому, среди прочего, наставления умирающего царя сыну, где нет ни слова о нравственных

принципах поведения будущего государственного деятеля.

Примечательно, что у Пушкина разоблачающий притворство Бориса Шуйский — лукавый Царедворец, также не имеющий лица носитель масок, которые меняются им в зависимости от обстоятельств. Так, откровенно, не стесняясь, а лучше сказать, цинично и бессовестно, он объясняет/оправдывает свое молчание об убийстве царевича по приказу Годунова: «*А что мне было делать?//... Я сам не трус, но также не глупец//И в петлю лезть не соглашусь даром*». Предсказав согласие Бориса на престол, вскоре, когда его прогноз осуществился, а значит, и изменилась ситуация, Шуйский забывает и о предсказании, и о разговоре, он лицемерно учит молодого Воротынского: «*Теперь не время помнить, // Советую порой и забывать*».

Мотив обмана и масок в первой сцене драмы — нарочитость отказа Бориса от царского престола и откровения Шуйского — своеобразный контрапункт, введение в исторический контекст будущей трагедии России. Метаморфозой Шуйского наглядно демонстрируются принципы поведенческого стереотипа в пространстве кремлевских палат, где происходит действие, вместе с расширением пространства (Красная площадь, Девичье поле Новодевичьего монастыря и т.д.) расширяется и масштаб лжи, в конце концов захватившей пространство России и печально окончившейся для ее государственности.

Добившись царского венца, карамзинский Борис оказывается во власти созданных его двойственным сознанием химер — в его воображении окружающий мир наполнен масками, вызванными многолетними ложью, обманом, притворством. Искаженные представления о человеке исказили и существо мирозерцания Бориса, ибо, — писал Карамзин, — «он естественно думал, что и другие, подобно ему, могли иметь жажду к верховной власти, лицемерие и дерзость... хотел быть на страже неусыпной; чтобы предупредить злые умыслы восстановил для того бедственную Иоаннову систему доносов» [2, XI, 57]. Перечисляя жертв подозрения и доносов Бориса с подробным описанием ссылок, заточений, убийств, лишения имущества, Карамзин подтверждает свое умозаключение о больном воображении героя, вызванном постоянным многолетним притворством. Картина, нарисованная Пушкиным, соответствующая историческому повествованию Карамзина,

воспроизводит большое воображение Годунова, необъяснимое только жестокостью: «*Нас каждый день опала ожидает//Тюрьма, Сибирь, клубок иль кандалы,// А там — в глуши голодна смерть иль петля, знатнейшие меж нами роды — где?//Где Сицкие князья, где Шестуновы,// Романовы, отечества надежда?//Заточены, замучены в изгнание*». Вероятно, данное Карамзиным объяснение «карательных мер» Бориса, воспринятое Пушкиным, уточняет одну из граней нашего понимания образа. В известном монологе Борис, перечисляя напрасные обвинения (*Вот черни суд: ищи же ее любви...//Я дочь мою мнил осчастливить браком — //Как буря смерть уносит жениха...*), не считает себя виноватым в гибели тех, о ком через одну сцену вспомнит Пушкин. Забывчивость героя, считающего на своей совести лишь единое пятно, то есть убийство Димитрия, обусловлена его представлением о справедливости гонений. Иными словами, нарушение законов нравственности сформировали подозрительный характер: когда-то надетая для достижения власти лицемерная маска Бориса становится сутью его личности, игра, притворство становятся для героя реальностью, он уже не способен поверить в искренность и преданность окружающих его людей. «Бронируя» совесть, блокируя ее уколы, маска мешает трезво оценить и свои поступки. Даже в самые тяжелые, сокровенные минуты борьбы с самим собой, показывает Пушкин, Борис продолжает лгать, причем лжет он самому себе, скрывая от себя тяжесть преступлений, непо-

стижимым образом «облегчая» и уходя от раскаяния даже в убийстве младенца. Подозревая всех в отсутствии искренности, он начинает преследовать своих бывших соратников, неуклонно двигаясь и к собственной гибели. Так, по Карамзину и Пушкину, закономерный итог жизни безнравственного героя, избравшего ложные ценности и обманом достигшего верховной власти.

Годунов и Отрепьев, скрывающие под масками истинное лицо, обманом достигают желанной цели — власти — и теряют ее вместе с жизнью, потому что оказываются перед непреодолимым с помощью лжи препятствием — законом возмездия, исходящим от Того, Кого обмануть невозможно. Крах героев Пушкина и Карамзина обусловлен нарушением законов традиционного нравственного императива под личиной следования ему, т.е. попыткой обмануть Высшую волю.

Нарушение нравственных законов на пути достижения власти, при всем различии поэтических приемов изображения, сближая восприятие Пушкиным и Карамзиным государственной личности с искаженными ценностными ориентирами, позволяет предположить идентичность в художественном содержании исследовавшихся произведений мотивов, связанных с идеями Макиавелли, и антимаккиавеллизма в исторических хрониках Шекспира, но это тема уже другой статьи.

Литература

1. **Винокур Г.О.** Комментарии к «Борису Годунову» А.С. Пушкина. М., 1999.
2. **Карамзин Н.М.** История государства Российского. В 12 томах. СПб., 1842–1845.
3. **Коровин В.И.** Размышления Пушкина о русской и западноевропейской истории как фон «Бориса Годунова» // Филологические науки. 1995. № 5–6.
4. **Лузянина Л.Н.** История государства Российского» Н.М. Карамзина и трагедия Пушкина «Борис Годунов (к проблеме характера летописца) // Русская литература. 1971. № 1. С. 52–64.
5. **Непомнящий В.С.** Поэзия и судьба. М., 1987.
6. **Пушкин А.С.** Полн. собр. соч. М.-Л., 1937–1949. Т. XIV. Письмо Н.Н. Раевскому от 30 января 1829 года.
7. **Хализев В.Е.** Борис Годунов: власть и народ //Ценностные ориентиры русской классики. М., 2005. С. 53–82.